

ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ

В.В. Чешев

Есть ли у сознания онтологический статус?

Чешев Владислав Васильевич – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; старший научный сотрудник Лаборатории социально-гуманитарных проблем транзитивного общества. Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56; e-mail: chwld@rambler.ru

Вопрос об онтологическом статусе сознания традиционно сопровождает философию сознания. В современных условиях он нередко инициируется представителями аналитической философии и принимает характер обсуждения психофизической проблемы. Автор статьи исходит из того, что в истории философии обращение к проблеме онтологии сознания началось с обсуждения специфических свойств мысленных конструктов, используемых для описания реальности. На этом основании возникает изначальное противопоставление идеального и материального, причем сознание предстает как проявление идеального. С рождением опытной науки, философии Нового времени и психологии актуализируется обсуждение психофизической проблемы, решение которой должно было открыть путь к постижению природы сознания. В современных условиях одним из оснований актуализации психофизической проблемы стали когнитивные исследования, ориентированные на изучение работы мозга и нейронных сетей. В статье показывается, что исследование биофизических инструментов сознания недостаточно для понимания его природы. Автор опирается на культурно-историческую (культурно-деятельностную) концепцию становления сознания, делающую акцент на становлении символического поведения как его атрибутивного свойства.

Ключевые слова: идеальное, материальное, психофизическая проблема, поведение, сознание

Теперь я вижу всё как на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде всё было передо мною в каком-то тумане. И это всё происходит, думаю, оттого, что люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове; совсем нет: он приносится ветром со сторон Каспийского моря.

Н.В. Гоголь

Проблема онтологизации сознания. Идеальное и материальное

Вопрос об онтологическом статусе сознания сам по себе не новый. В скрытом или в явном виде его можно обнаружить в разное время в разных философских картинах мира. Появление вопроса о сознании в содержании философских учений обусловлено тем, что сама философия есть рефлексия сознания, точнее сказать, она есть культурно-историческая рефлексия общества, проясняющая смысловые мотивации и смысловые ценности социальных субъектов. В этом контексте сознание проявляет себя не только своим содержанием, но и изначально присущими ему свойствами. Этот тезис автора настоящего текста можно пояснить, обратившись к появлению понятия «бытие» в греческой философии в конце VI – начале V в. до н.э. Оно обусловлено внутренней логикой развития картины мира, предложенной ионийцами.

В учении о мире первых натурфилософов присутствуют две основные абстракции, а именно «первоначало» (архэ) и «космос». Последнее понятие обозначало телесную множественность, порождаемую архэ. Употребление названных понятий означало введение в сферу сознания обобщенных смыслов, точнее сказать, абстрактных конструктов, онтологический статус которых иной, нежели статус предметов, доступных чувственному восприятию. Предметное значение понятия (его референция, как принято говорить сегодня) не может быть сведено к конкретной чувственной единичности. Это обстоятельство изначально присутствует в языковом мышлении. В теоретическом сознании оно всплывает в древнегреческой философии через проблему «единое – многое». В ходе ее обсуждения, подготовившего своеобразный гносеологический радикализм элеатов, делаются первые шаги к осознанию онтологического статуса абстрактных объектов. В поэме «О природе» Парменид проводит принципиальное различие между конструктами сознания и чувственной реальностью. В частности, Единое в этой поэме предстает как «мир сам по себе», как Бытие, как непреходящая метафизическая реальность, в то время как чувственное множество вещей предстает как нечто не-сущностное, преходящее, явленное в ощущениях и, можно сказать, порожденное ими. Миру множественному придается статус неподлинной реальности, в отличие от подлинности Бытия. Одновременно Парменид настаивает на том, что Бытие познается мышлением, а не чувством. В ретроспективной оценке этого хода мысли его результат неудивителен по той простой причине, что Бытие есть конструкт сознания (ума, мышления), и проблема его познания принципиально не чувственно-эмпирическая. Бытие сконструировано умом, его познание

может развертываться только как исследование и фиксация свойств этого абстрактного конструкта путем противопоставления его предметам мира эмпирического, мира чувственных единичностей, фиксируемых человеком в его взаимодействии с внешней его телу действительностью. Парменида можно назвать первым философом, который осознанно онтологизирует созданный человеческим мышлением конструкт (Бытие), ищет для него адекватный способ существования. Возникает вопрос: онтологизирует ли он при этом само сознание?

Однозначный ответ на этот вопрос возможен лишь при столь же однозначно заданном контексте. Ясное для античного времени решение проблемы представлено в философии Платона. Онтологический статус абстрактного объекта показан Платоном в диалоге «Гиппий», в ходе которого оппонент Сократа пытается найти единичность, соответствующую прекрасному «самому по себе». Современный взгляд на платоновское обсуждение вопроса о прекрасном позволяет утверждать, что платоновский Сократ в этом диалоге видит свою задачу не столько в определении конкретного образа «прекрасного самого по себе», сколько в решении вопроса о способе его существования. Абстрактный конструкт в принципе нельзя обнаружить в эмпирическом мире. У Платона он существует как эйдос, как сверхчувственный (недоступный телесным ощущениям) объект другого мира.

Вновь обратимся к вопросу: онтологизируется ли сознание в процессе объективирования его конструктов? Заметим, в картине мира, создаваемой Платоном, можно выделить, используя современные термины, трансцендентный мир смысловых конструктов, представляемый и переживаемый как метафизическая реальность «мира по истине», с которой человек органически связан миром своего сознания. Эйдосы идеальны в указанном выше смысле, в таком же смысле идеальна душа, и причастность ее к миру идеальному, способность его «воспринимать» предстает как фундаментальное свойство сознания, принимаемое де-факто в античном мышлении. Эту логику завершает Аристотель, воспринявший проблему от своего учителя во всей ее сложности. Он онтологизирует Ум как форму форм, постигающую свое бытие через чувственные формы, с которыми имеет дело разумная душа [Аристотель, 1976, 432a]. Можно утверждать, что в философском процессе, начавшемся в античности, вопрос об онтологическом статусе сознания, обусловленный объективацией конструктов сознания, вырастает в проблему разграничения материального и идеального. Начиная с парменидовского Бытия и Не-Бытия, мир сознания и его конструктов противопоставляется миру телесно-чувственному, названному миром материальным, что и ведет к онтологизации Ума как некой идеальной сущности космоса.

Проблема объективации идеального сопровождала весь ход развития философии, пока к ее ликвидации (в пользу материального) не приступил естественно-научный материализм Просвещения и позитивизм XIX столетия. Но ликвидация проблемы не есть ее решение. Расставание с метафизикой, заявленное, в частности, позитивизмом, оказывается расставанием с представлением об исходных гносеологических основаниях проблемного вопроса. Отказавшись от них, философы и психологи должны были искать свойства сознания исключительно в свойствах мозга и в его биологической эволюции.

Однако исследование мозга, изучение нейронов и динамики нейронных связей не дает удовлетворительного ответа на вопрос о сознании как о чем-то, не сводимом к телесным началам. Сознание оказывается неуловимым (идеальным), и поиски его сущности через изучение мозговых структур возвращаются в поле психофизиологической проблемы.

О психофизической проблеме

Европейское Просвещение противопоставило разум предрассудкам и суевериям религиозной веры. В условиях просвещенческой секуляризации мировоззрения проблема сознания ставится по-новому. В частности, начинает складываться научный, т.е. основанный на фактах опыта, подход к изучению человеческого мышления и его познавательных способностей. В нем важное место занимают представления о психических процессах и о роли мозга в мышлении человека. Проблема идеального и материального начинает осмысливаться в этом формирующемся контексте. Новые представления рождаются не сразу, но ясно прорисовываются подходы, не утраченные до настоящего времени. Один из них связан с философским учением Р. Декарта. С одной стороны, в нем сохраняется представление об идеальности сознания, являющегося функцией души. С другой стороны, сознание объективируется как некий орган, располагающийся в мозге человека. Этот орган и есть локализация души в человеческом теле. В связи с этим получает оправдание утверждение о том, что Декарт сохраняет идеалистическую традицию в решении вопроса о соотношении идеального и материального, сохраняет представление о сознании как некой субстанции с особыми свойствами, соотносенной в той или иной форме с Бытием и существованием человека как высшего творения создателя.

Альтернативой был материалистический подход, развиваемый соответствующим философским направлением как на европейском континенте, так и в Англии. В английском материализме новые основания для концепции сознания заявлены, в частности, Дж. Пристли в его сочинении «О материи и духе». В согласии с материалистическими установками опытной науки английский ученый стремится материализовать явления духа, т.е. объяснить сознание и мышление свойствами материи. Основанием такого хода мысли является новая концепция материи как субстанции активной, наделенной свойствами, не сводящимися к плотности и протяжению. Объяснение этим качествам дается через представление о силах притяжения и отталкивания как атрибутивных свойствах материи. Пристли опирается на популярную в то время концепцию, предложенную Р. Бошковичем. Это «динамическая» версия корпускулярного строения материи, согласно которой отдельные ее частицы (атомы) взаимодействуют друг с другом путем отталкивания и притяжения. При сближении частицы отталкиваются, а при удалении за границу сферы отталкивания, притягиваются другу к другу. Этим обеспечивается динамически равновесное состояние материи и материальных тел, их устойчивость. Принимая такое представление, Пристли приходит к крайне важному выводу относительно атрибутивных свойств материи. В частности, он утверждает, что плотность

и протяженность, которые традиционно принимались за исходные фундаментальные свойства материи, не существуют как ее атрибуты, поскольку они производны. Они есть проявление свойства отталкивания, противодействующего внешнему давлению (нажиму), создающему иллюзию некоей неделимой сплошности материального тела. На основе этого представления философ приходит к выводу, что материальный мир, с которым мы имеем дело, есть проявление сил притяжения и отталкивания, в то время как собственно плотные частицы занимают в нем ничтожно мало места¹. Главный вывод, извлекаемый Пристли для решения психофизической проблемы души и тела, заключается в следующем:

Поскольку материя в действительности обладает только свойствами *притяжения и отталкивания*, то наше уважение к ней должно возрасти, поскольку она более приближается к природе духовных и нематериальных существ, как нас учили называть такие существа, которые противоположны грубым проявлениям материи... Материя, лишенная того, что до сих пор называлось *плотностью*, не больше несовместима с ощущением и мышлением, чем та субстанция, которую мы, не имея дальнейших сведений о ней, привыкли называть *нематериальной* (курсив Дж. Пристли. – В.Ч.)» [Пристли, 1968, с. 178].

В конечном счете рассуждение сводится к тому, что нет двух субстанций, есть одна материальная сущность человека, и ей свойственны как телесные признаки, так и те, которые принято называть проявлениями духа, т.е. способность ощущать и мыслить.

Наука XIX в. продолжает «деонтологизацию» сознания путем отказа от сверхматериальной сущности, ответственной за процессы мышления. Объектом исследования становится высшая психика человека, в ходе изучения которой проблема духа и тела предстает как психофизиологическая проблема, а именно как проблема несводимости высших психических процессов к физиологическим, происходящим в нервной системе и мозге человека. С одной стороны, внешнее воздействие проявляется как некое физиологическое изменение состояния нервных клеток и их связей. С другой стороны, сами эти изменения не объясняют ментальных процессов, в частности, существования мысли и ее выражения в языке, использования абстрактных образов, обобщающих понятий и другого множества проявлений мышления и сознания. В целом, изучение физиологии нервной и мозговой деятельности не дает решения вопроса о сущности высших психических функций. Эта проблема по-своему преломилась в философско-гносеологических исследованиях.

Эмпиризм, представленный в конце XIX в. махизмом, ищет основания познания в чувственном восприятии человека. Познавательный процесс предстает у Э. Маха по преимуществу как продолжение адаптации к внешней среде, отличной от адаптации животных количественными показателями, т.е. возросшей совокупностью признаков, которые обрабатывает психика человека.

¹ «Утверждали – и это утверждение никогда не было опровергнуто, – что (как бы мы ни противились этому) вся плотная материя в Солнечной системе может поместиться в ореховой скорлупе – так велика доля пустого пространства в субстанции самых плотных тел» [Пристли, 1968, с. 178].

Ментальные процессы оказываются формой психических процессов, совершающихся по принципу «экономии мышления», иначе говоря, экономии психической энергии. Однако это не позволяет избежать психофизического дуализма. Казалось бы, идеальность мышления утрачивается при таком рассмотрении познавательного процесса. Однако Мах обращается к процессам конструирования абстракций, которые есть нечто идеальное, и его появление нельзя объяснить физиологическими процессами. Можно представить опытное происхождение понятий с помощью принципа экономии психической энергии. Однако неразрешимые проблемы возникают при соотношении идеальных конструкторов сознания с реальностью, т.е. при решении вопроса об их объективном значении, не тождественном чувственным образам познающего субъекта. Тогда возникает дилемма: либо солипсизм, либо агностицизм, отрицающий постижение природной реальности. Оказывается, что невозможно обойтись без той или иной «метафизики», что и показал кризис программы идейных последователей Маха (программы венского кружка).

В противоположность позитивизму, Э. Гуссерль, борющийся с психологизмом в познании, отталкивается от специфики сознания, которая не может быть сведена к физиологическим процессам восприятия. Он обращается к традиции рационализма, и тогда сознание предстает как трансцендентальная реальность, выявляемая субъектом в актах феноменологической установки. На этом пути Гуссерль вновь приходит к объективации сознания, так что философия как строгая наука должна превратиться в онтологию сознания, возвращаясь к проблемам, с классической ясностью поставленным в прошлом. Контекст этих неразрешенных позитивизмом и феноменологией проблем всё тот же – известная с античности проблема специфических качеств мышления и сознания, которая проявляется при соотношении конструкторов сознания с миром, называемым материальным.

Проблема «идеальное – материальное», переформулированная в проблему «сознание – тело», вновь всплывает в тех дискуссиях, которые инициированы представителями аналитической философии. Эта позиция, как нам представляется, вольно или невольно принимает характер схоластического обсуждения проблемы материи и духа, поскольку выводит за скобки тот круг изучения высшей психики, в котором сформировался продуктивный подход к решению проблемы сознания через изучение культурно-исторической (социогенетической) природы человека, его поведения и деятельности.

Антропологическое решение вопроса о сознании и его онтологическом статусе

Решение проблемы онтологического статуса сознания через объективацию идеального, возникшее в ходе развития философской мысли, было исторически оправданным. Положительная роль такого способа безусловна, поскольку дихотомия материального и идеального позволила исследовать многие качественные особенности актов сознания и их отношение к материальному миру, поведению человека и даже ходу человеческой истории. Но эти возможности были исчерпаны, как представляется автору, в немецкой классической

философии (И. Кант и Г. Гегель). Новый этап решения вопроса о природе сознания открывается через антропологический подход, точнее, через исследование культурно-исторической природы человека, его поведения, образа жизни, взаимодействия с природной средой и взаимодействия людей внутри человеческих сообществ. На этом пути обретает конструктивную форму отказ от философско-идеалистического и теологического способов объективации идеального. Одновременно такой путь позволяет избежать упрощенного решения вопроса о сущности сознания, заключающегося в утверждении, что сознание есть свойство мозга человека и его появление есть исключительно результат эволюции последнего.

В ходе развития наук о человеке фундаментальный вклад в решение проблемы сознания начала вносить психология, обращенная к исследованию сознания и мышления как высших психических функций, к их формированию в онтогенезе, в то время как филогенетическое исследование сознания стало по преимуществу предметом этнологии и культурной антропологии. В совокупности в этом комплексе исследований накапливалась фактуальная база для выстраивания эмпирически обоснованной концепции сознания. К этим исследованиям присоединилась нейрофизиология, направившая свои усилия на изучение работы мозга и играющая сегодня ведущую роль в изучении когнитивных способностей человека.

Исследование мозга является несомненным вкладом в развитие наук о человеке. Более того, оно позволяет решать практические вопросы создания сложных и сверхсложных систем управления, среди которых задачи интеграции должны быть возложены на искусственный интеллект. Действительно, вне мозга никакие психические функции человека не осуществимы. Но само по себе изучение нейронных сетей и физиологии мозга не может исчерпать проблему сознания, неотделимую от вопроса об идеальном. Здесь можно воспользоваться следующей аналогией. Художник пишет свои картины руками, кисть руки является непосредственным исполнителем его творческого замысла. Но мы не сможем понять природу творчества художника и ее проявления, если сделаем предметом нашего анализа строение руки, движения ее кисти и т.п.

На возникающую здесь проблему по-своему указывает В.С. Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве», непроизвольно вовлекаясь в обсуждение психофизической проблемы:

Допуская необходимую материальную связь между мыслью и мозгом, допуская, что движения мозговых частиц суть материальная причина мысли, мы нисколько не устраняем очевидного формального различия и даже несоизмеримости между внешним механизмом мозговых движений и собственным содержанием мысли, которое этим механизмом осуществляется... механический процесс физических движений есть только материальная почва для идеального содержания, так точно и механический процесс душевных явлений, связанных между собою по психологическим законам, столь же общих и необходимых, как законы физические, может иметь значение только как способ выражения или реализации определенного содержания [Соловьев, 1989, с. 29, 31].

Содержание, передаваемое при посредстве всех этих физических процессов, является смысловым, из нейрофизиологических взаимодействий как таковых оно не выводимо. К этому можно добавить еще одну аналогию. Люди общаются при помощи звуковой речи. Но значение, передаваемое словами, не заключено в механических колебаниях воздуха, посредством которых люди слышат друг друга. Оно существует только для общающихся людей и может при этом передаваться разными словами (на разных языках), т.е. весьма различными сочетаниями колебательных движений воздуха.

Утверждение, что мысль (сознание) является свойством мозга, является грубым выражением связи телесного и ментального. Да, мозг является биологическим инструментом, участвующим в реализации функций сознания. Но более точным будет суждение, что мышление и сознание являются свойствами человеческой психики, высшей стадией ее развития. Мозг – инструмент психической активности, но этот орган реализует связь телесного и ментального не сам по себе. Эту связь выражает психика во всем своем эмоциональном и когнитивном содержании, опосредующем жизнь человека. Поскольку же психические процессы напрямую управляют поведением человека и состояниями его тела, то тайну становления человеческой психики и природу ментального следует связать с эволюцией форм активности человека, с изменением его поведения, изучаемым в числе прочего в рамках культурной антропологии. Психические процессы, т.е. мысли и переживания человека непосредственно связаны с актами его жизни, через которые они выражаются. Если становление сознания органически связать с изменением в организации жизненной активности, то возникает вопрос об эволюционных причинах первоначальных и последующих изменений. В марксистской литературе традиционно связывают становление сознания с развитием предметной деятельности человека, точнее, с развитием его трудовой деятельности. Эта позиция заявлена в статье Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», в которой оставлена без внимания проблема становления высшей психики, проблема идеального и т.п. Сознание представлено как продукт развития мозга и становления речевой коммуникации, необходимой для организации совместной трудовой деятельности: «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу» [Энгельс, 1961, с. 489].

Предметная (трудовая) активность человека является новой эволюционной формой, с которой начинался социогенез. Но в решении проблемы сознания, выводящей его исключительно из актов трудовой деятельности, есть определенное упрощение. Его критическую оценку можно найти в советской литературе, в частности, у Б.Ф. Поршнева, исследование которого принято относить к сфере палеопсихологии. Советский ученый указывает, что само по себе трудовое действие еще не порождает акта сознания, даже если и является опосредованной причиной его становления. Непосредственно возникновение сознания может быть исследовано через изменения в психике, которые, как полагал Поршнев, предшествуют становлению деятельности. В частности, он указывает, что в актах деятельности соединены по меньшей мере три составляющие – речевое общение, мысль и собственно предметные действия.

Возникает вопрос, какой из этих элементов первичен? В умножении и усложнении предметных действий самих по себе мы не увидим качественных превращений, поскольку «научение путем показа, вернее, перенимания навыков посредством прямого подражания действиям – вполне достаточный механизм для объяснения преемственности палеолитической техники» [Поршнева, 1974, с. 126]. Советский исследователь полагал существенно важным становление речевых коммуникаций, кардинально изменяющих поведение гоминидных особей. Появление актов речевого общения означало отказ от регуляции поведения биологическими инстинктами и рождение небологических средств организации поведения, преодолевающих инстинкты. Одновременно с этим пожелались качественные изменения в нейрофизиологии мозга:

Суть решения в методологическом смысле состоит в том, что процесс перехода от животного к человеку разделяется на два последовательных процесса: первый – возникновение в нейрофизиологии предков людей механизма, прямо противоположного нейрофизиологической функции животных, второй – снова переход в противоположность [Там же, с. 53].

В этом подходе, не решающем всех задач происхождения высшей психики, важно следующее. Фактически Поршнева указывает на рождение второй сигнальной системы, т.е. совокупности значений, закрепляемых теми или иными символами. В простейшем случае такой символ может быть неречевым, например, жестом, применяемым для управления реакциями группы в тех или иных условиях, а первым простым способом закрепления такого значения в сообществе может быть суггестия, осуществляемая теми психическими средствами, которыми располагали гоминидные особи. Отметим еще раз позитивную сторону таких гипотез. Исследователи акцентируют внимание на возникновении фиксированных значений, при посредстве которых изменяется поведение гоминидных особей и сообщества как целого.

Фундаментальные основания для изучения роли знака в становлении сознания еще ранее были созданы в психологических исследованиях Л.С. Выготского и его последователей. Как полагал советский ученый, в центре внимания которого находилась детская психология, ключевые события в развитии психики ребенка представлены интериоризацией им своей внешней активности, переносом ее во внутренний психический мир. Эта процедура является ключевой для овладения индивидуальным поведением. Средством такого переноса внешнего мира в мир внутренний является знак, своеобразный инструмент человеческой психики, столь же ей необходимый, как необходимы для руки те или иные инструменты, которыми она вооружена в практических действиях. Выготский полагал, что онтогенетический процесс становления сознания и его филогенез совпадают в своих ключевых моментах. Филогенез сознания предстает в конечном счете как формирование символов и смыслов, управляющих поведением человека и организующим одновременно его внутренний мир. Выготский исходил из того, что культурный мир знаков и значений усваивается ребенком в процессе социализации, в процессе его развития в соответствующей общественной среде, непосредственно представленной ребенку на начальной стадии роста и развития его родителями, его семейным

окружением. Однако в филогенезе, в процессе становления человеческого общества такого внешнего окружения не существовало, и все культурные основания общественной жизни создавались и закреплялись самими сообществами в ходе культурно-деятельного развития.

Как уже указывалось, при обращении к процессу становления культурно-смысловых средств организации жизни может возникать соблазн напрямую выводить рождение символических средств из предметно-деятельных актов. Однако связь деятельных манипуляций с процессами формирования символического поведения и программирующих его знаковых средств не является прямой. Закрепление в активности субъекта связки «действие – результат» само по себе не порождает символических средств, изменяющих поведение животного, хотя, несомненно, обогащает манипулятивный опыт животного и развивает его «инструментальное мышление». Примечательный факт, вошедший в учебники по этологии, зарегистрирован японскими биологами, изучавшими поведение макаков в условиях питомника. Обезьянка по кличке Имо научилась отмыкать в воде клубни батата и вслед за ними также и зерна кукурузы, которые японские экспериментаторы разбрасывали на прибрежном песке питомника [Мак-Фарлендер, 1988, с. 468]. Этим действиям научилась большая часть популяции, обитавшей в питомнике. Но данная инновация не привела к появлению каких-либо новых психических функций у подопытных обезьян, не изменила их семейно-стадного поведения и присущей им организации. Усвоение новых манипуляции путем подражания и импринтирования, как замечает автор книги, не требует от особи высоких интеллектуальных способностей даже при передаче искусственных навыков: «Преимущество культурных традиций не обязательно требует большого интеллекта от отдельных особей данной популяции» [Там же, с. 471].

Связь деятельных навыков с психическим развитием предка человека опосредована становлением культурных форм социального поведения и формированием новых средств его организации². Переход к деятельным формам активности и деятельной организации сообществ можно считать совершившимся лишь тогда, когда сообщество вырабатывает необходимые общественные механизмы воспроизводства деятельности. На этой стадии начинает формироваться символическое поведение, обеспечивающее целостность становящегося культурного сообщества через механизмы культурного программирования. К этой стороне жизни обращена символическая культура, программирующая, как указывает К. Гирц, поведение человека [Гирц, 2004, с. 56]. Реакция на символическую культуру, жизнь в мире символов и значений и представляет собой проявление новых психических функций, т.е. сознания и мышления человека. Но каким бы ни был процесс становления новых культурных форм поведения, он не мог происходить вне развития мозга как основного биологического инструмента организации поведения человека, в частности, вне развития неокортекса, ставшего его нейрофизиологическим инструментом. Фундаментально важным для изучения процесса рождения и трансляции смыслов и символов

² Наше представление о связи предметно-деятельностной и поведенческой активности в ходе социогенеза в более полном объеме изложено в работе [Чешев, 2016].

является поэтому не только поиск механизмов реализации когнитивных функций, но исследование роли эмоций как психического средства становления высших функций.

Выготский утверждал, что «мышление и речь являются ключом к пониманию природы человеческого сознания» [Выготский, 1982, с. 361], но его природу нельзя постигнуть, если оставить без внимания эмоциональную жизнь человека, поскольку «существует динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов» [Там же, с. 21]. В ходе культурно-исторического развития эмоциональная жизнь человека претерпела столь же фундаментальные изменения, как и психика в целом. Сегодня эмоции человека качественно отличаются от эмоций животных. Эмоции животного предстают по преимуществу как определенная форма возбуждения, соотношенная с соответствующей поведенческой ситуацией. Эта глубинная связь сохраняется и в человеческом поведении. Однако высшие эмоциональные состояния человека, возникающие вместе с обретением смыслов, наполнены культурным содержанием, они предстают как переживание смыслов. В частности, если на животном уровне спаривание обеспечивается возбуждением, инициированным внешними и внутренними факторами, то в регуляции половой активности человека участвует особый мир переживаний, называемый любовью. Эти переживания не тождественны физиологическому возбуждению, они существуют в мире человеческих взаимоотношений, произвольно вписывающих фундаментально важную функцию биологического воспроизводства в социальную и культурную среду. В той или иной форме они упорядочивают биологическое воспроизводство в социальной среде, придают ему культурные формы, интегрируемые психикой человека через его переживания. Можно поэтому согласиться с Л.К. Леви-Брюлем, что процесс формирования смыслов и внесения обозначающих символов в раннем обществе (как и в современном) неотделим от аффективных состояний, соотносимых с ситуациями социального поведения:

Коллективные представления достаточно часто получают индивидом при обстоятельствах, способных произвести глубочайшее впечатление на его органы чувств. Это верно, в частности, относительно тех представлений, которые передаются члену первобытного общества в тот момент, когда он становится мужчиной, сознательным членом социальной группы, когда церемонии «посвящения» заставляют его пережить новое рождение, когда ему, подчас среди пыток, служащих суровым испытанием его нервам, открываются тайны, от которых зависит сама жизнь данной общественной группы. Трудно преувеличить эмоциональную силу этих представлений [Леви-Брюль, 1994, с. 28].

Важной фазой в развитии высших психических функций, обусловленной становлением мира смыслов, является развитие мышления как способности оперировать символическими значениями и тем самым системно организовывать и планировать свою поведенческую и предметно-деятельную активность. Можно предполагать, что в ходе эволюции человека начальной фазой становления его когнитивных способностей было инструментальное мышление. Однако инструментальные действия сами по себе, как это подтверждает история

с обезьянкой Имо, не требуют качественного изменения биологических форм активности. Лишь в соединении с процессом возникновения в сообществе символической реальности целенаправленность манипулятивных действий принимает характер их осознанной целесообразности. На этом этапе формируются когнитивные способности, проявляющиеся в рациональном рассудочном планировании актов предстоящей деятельности в отличие от ситуативной активности животного, опирающейся на врожденные комплексы фиксированных действий. Данный этап развития психики, потребовавший онтологизации культурных смыслов, которые регламентируют поведение человека, можно назвать становлением сознания. К этому процессу, синтезирующему изменение эмоционального и когнитивного содержания человеческой психики, вполне уместно применение формулы Выготского об интериоризации внешней активности человека, переноса ее во внутренний психический мир человека, осуществляемого при посредстве символов и закрепляемого комплексом соответствующих переживаний.

Становление поля смыслов явилось необходимой предпосылкой для применения когнитивных операций ко всему комплексу значений. Поведение человека на этом уровне развития может напоминать реакции животного на ключевые раздражители. Однако важно указать на качественное отличие реакций человека. Оно в том, что аналогом сигнального раздражителя оказывается не физиологическая фиксация ситуации, но приписываемое ей значение, приписываемый ей смысл, на который и реагирует субъект. Это соотнесение смысла и ситуации делает возможным адекватное поведение человека, в то время как неспособность их правильного соотнесения справедливо расценивается как неадекватность субъекта, в известной мере как отсутствие у него сознания.

Основные выводы

В развитии учения о сознании прослеживается определенная историческая логика. Начало этого процесса можно видеть в противопоставлении идеального и материального, повлекшем онтологизацию идеального в форме Ума, Логоса и т.п. Ответ на сложные вопросы природы идеального и природы сознания, преодолевающий современный физикализм, открывается через исследование становления мира культуры как мира смыслов, кодируемых соответствующими символами. Это путь, намечавшийся в культурно-исторической концепции Выготского и его учеников, может объединить исследования культурных антропологов, современных психологов, нейрофизиологов и творцов искусственного интеллекта. Сознание есть свойство символического поведения общественного субъекта, продукт его социогенеза, т.е. взаимообусловленного развития его предметно-деятельной активности, принявшей формы общественно организованного хозяйства, и социального поведения, ставшего символическим, т.е. смысловым, направляемым культурными смыслами. Проблема идеального и проблема онтологического статуса сознания трансформируется в исследование системной перестройки поведения, а также структурно-функциональной и морфологической перестройки органов управления поведением. Связи значения не материальны, поскольку значение и материал знака

физически друг с другом не связаны, так что нейронные сети мозга можно представить как своеобразный текст, расшифровываемый благодаря его соотношенности с поступками и действиями человека, включая переживание этих действий. Мозг «помнит» их не сам по себе, но в единстве с «телом», т.е. с многообразной активностью человека и психическими средствами ее организации, шифрующими и дешифрующими значения символов. Вне активно-деятельного и эмоционально-поведенческого освоения культурных смыслов, порождаемых социогенезом, сознания не существует. Точно так же вне названной соотношенности все символы теряют значение, превращаются в мертвый текст, в совокупность физических предметов (линий, звуков, движений, нейронных связей и т.п.). Сознание (или мозг как его средство) не приносится ветром с Каспийского моря, как это представилось гоголевскому персонажу, но в помешательстве литературного героя верно отражено, что «субстрат сознания» не заключен в человеческом индивиде самом по себе. Если такой субстрат существует, то им является смысловая реальность, сформированная обществом, вступившим в социогенез. Эта реальность идеальнее ветра с Каспийского моря и в то же время, бесспорно, действительна. Она скрывается в процедуре обозначения, совершаемой человеком. Значения существуют не для мозга, но для человека, для его поведения и его предметной деятельности. Объективность этих «идеальных значений» проявляется в том, что они стали необходимым средством жизни существ, опосредуя их отношение к внешней реальности освоением символического мира культуры, т.е. опосредуя его сознанием.

IT-технологии дают средства для моделирования смыслового (когнитивного) поведения человека, которое может достигать высокой степени совершенства. Современный робот читает написанный текст, но никто не решится приписать ему понимание, хотя таковое можно моделировать с помощью программ семантического анализа и получить в результате «машинного собеседника» (Алису), хорошо выполняющего свою роль. Однако реальное наделение робота (искусственного интеллекта) сознанием означало бы введение его в мир человеческих смыслов и переживаний, который будет программировать его поведение, либо создание «живого» небиологического субъекта. Возможности и последствия таких технических решений остаются самостоятельной проблемой современного техногенного развития, касающейся не только технологии, но этики жизни.

Исследование культурно-исторической природы сознания не может ограничиться изучением индивидуальной психики. Оно обращено к смысловой реальности, возникшей в ходе социогенеза, и затрагивает тем самым историософию, т.е. мир жизненных смыслов, необходимых для сохранения и продления жизни человечества. Рефлексия сознания обращает нас к человеческому обществу, к его этическим основаниям, к антропологии в ее высоком философско-гуманистическом значении. Она призвана создавать новые опоры гуманизма, столь необходимые современному крайне технизированному миру.

Список литературы

- Аристотель, 1976 – *Аристотель. О душе* // *Аристотель. Сочинения*: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369–450.
- Выготский, 1982 – *Выготский Л.С. Мышление и речь* // *Выготский Л.С. Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.
- Гирц, 2004 – *Гирц К. Влияние культуры на концепцию человека* // *Гирц К. Интерпретация культуры* / Пер. с англ. О.В. Барсуковой, Г.М. Дашевского, Е.М. Лазаревой, В.Г. Николаева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 43–68.
- Леви-Брюль, 1994 – *Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении* / Пер. с франц. Б.И. Шаревской. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
- Мак-Фарлендер, 1988 – *Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция* / Пер. с англ. Н.Ю. Алексеенко, Е.М. Богомоловой, В.Ф. Куликова и Ю.А. Курочкина; под ред. П.В. Симонова. М.: Мир, 1988. 520 с.
- Поршнева, 1974 – *Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)*. М.: Мысль, 1974. 487 с.
- Пристли, 1968 – *Пристли Дж. Исследование о материи и духе* // *Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений*: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1968. С. 151–342.
- Соловьев, 1989 – *Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве* // *Соловьев В.С. Сочинения*: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 3–171.
- Чешев, 2016 – *Чешев В.В. Человек как мыслящее существо, или оправдание разума*. Томск: Изд-во ТГУ, 2016. 286 с.
- Энгельс, 1961 – *Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека* // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 486–499.

Does consciousness have an ontological status?

Vladislav V. Cheshev

Tomsk State University, 36 Lenin Av., Tomsk, 634000, Russian Federation; Novosibirsk State University of Economics and Management “NINH”, 56 Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation; e-mail: chwld@rambler.ru

The question of the ontological status of consciousness traditionally accompanies the philosophy of consciousness. In modern conditions, it is often initiated by representatives of analytical philosophy and assumes the nature of the discussion of a mind-body problem. The author of the article proceeds from the fact that in the history of philosophy, appeal to the problem of the ontology of consciousness began with the discussion of the specific properties of mental constructs used to describe reality. On this basis, the initial contrast between the ideal and material arises, and consciousness appears as a manifestation of the ideal. With the birth of experimental science, philosophy of the New Age and Psychology, the condemnation of a psychophysical problem is actualized, the solution of which was to open the way to comprehend the nature of consciousness. In modern conditions, cognitive studies are one of the grounds for actualizing the psychophysical problem, focused on the study of brain and neural networks. The article shows that the study of biophysical instruments of consciousness is not enough to understand its nature. The author relies on the cultural-historical (cultural-activity) concept of the formation of consciousness, which focuses on the formation of symbolic behavior as its attributive property.

Keywords: ideal, material, psychophysical problem, behavior, consciousness

References

- Aristotle. "O dushe" [On the Soul], in: Aristotle, *Sochineniya* [Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 369–448. (In Russian)
- Cheshev, V.V. *Chelovek kak myslyashchee sushchestvo, ili opravdanie razuma* [Man as a thinking creature, or the justification of the mind]. Tomsk: TSU Publishing House, 2016. 286 pp. (In Russian)
- Engels, F. "Rol' truda v processe prevrashcheniya obez'yany v cheloveka" [The role of labor in the process of turning a monkey into a person], in: K. Marx, F. Engels, *Sochineniya* [Works], Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961, pp. 486–499. (In Russian)
- Girc, K. "Vliyanie kul'tury na koncepciyu cheloveka" [The influence of culture on the concept of man], in: K. Girc, *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, pp. 43–68. (In Russian)
- Levy-Bruhl, L. *Sverh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Moscow: Pedagogy-Press Publ., 1994. 608 pp. (In Russian)
- Mc Farlander, D. *Povedenie zivotnyh. Psihobiologiya, etologiya i evolyuciya* [Animal behavior. Psychobiology, ethology and evolution]. Moscow: Mir Publ., 1988. 520 pp. (In Russian)
- Porshnev, B.F. *O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsihologii)* [About the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Moscow: Mysl' Publ., 1974. 487 pp. (In Russian)
- Priestley, J. "Issledovanie o materii i duhe" [Research on matter and spirit], in: *Anglijskie materialisty XVIII v. Sobranie proizvedenij* [English materialists of the XVIIIth century. Collection of works], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1968. pp. 151–342. (In Russian)
- Solovyov, V.S. "Chteniya o bogochelovechestve" [Readings about God-manhood], in: V.S. Solovyov, *Sochineniya* [Works], Vol. 2. Moscow: Pravda Publ., 1989, pp. 3–171. (In Russian)
- Vygotsky, L.S. "Myshlenie i rech'" [Thinking and speech], in: L.S. Vygotsky, *Sobranie sochinenij* [Collected Works], Vol. 2. Moscow: Pedagogy-Press Publ., 1982, pp. 5–361. (In Russian)